

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1*282

ВАРЬИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ СЮЖЕТОВ В ДИАЛЕКТНЫХ ТЕКСТАХ (на материале текстового корпуса с. Белогорного)

Ю.В. Каменская

Саратовский государственный университет
E-mail: Kamenskayajv@list.ru

Статья посвящена особенностям диалектной коммуникации, рассматриваются факторы варьирования устойчивого сюжета в рамках одного говора.

Ключевые слова: диалектная коммуникация, диалектная языковая личность, идиолектное варьирование устойчивого сюжета.

Variation of Fixed Plots in Dialect Texts (on the Materials of the Text Corpus of the Village Belogornoje)

Yu.V. Kamenskaya

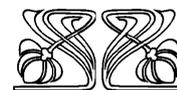
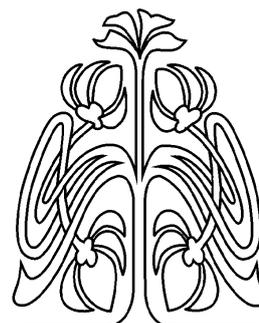
The article is dedicated to the peculiarities of the dialect communication; factors of the variation of the fixed plot line are examined within one dialect.

Key words: dialect communication, dialect language personality, idiolect variation of the fixed plot.

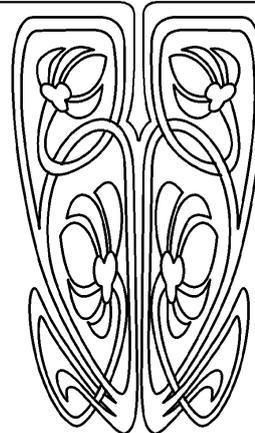
В последние десятилетия усилился интерес к изучению особенностей диалектной коммуникации, обусловленный появлением нового источника – корпусов диалектных текстов. «Русские народные говоры (...) изучают как самостоятельные коммуникативные системы, представляющие особый тип речевой культуры»¹. Существование корпуса текстов, принадлежащих одному говору, дает исследователю огромные возможности; в частности, позволяет показать особенности диалектной языковой личности, а также выявить факторы, определяющие идиолектное варьирование диалекта.

При анализе корпуса текстов, принадлежащих одному говору, оказывается, что существуют устойчивые сюжеты, актуализирующиеся в рассказах многих информантов, то есть принадлежащие коллективной языковой личности данного говора. Как правило, это сюжеты, связанные с какими-либо событиями, значимыми для жителей всего села: большой пожар, голод, разрушение церкви и т.д. В хронологическом отношении эти события принадлежат одному-двум поколениям и по времени совпадают с молодостью самих информантов или (реже) молодостью их родителей.

Устойчивые сюжеты соотносятся с таким типичным для разговорной речи жанром, как «рассказ-пластинка – многократно репродуцируемые тексты, словесная форма которых достаточно выверена и отточена. Рассказы-пластинки могут немного видоизменяться под влиянием ситуации или адресата, однако все основные композиционно-стилистические особенности текста остаются неизменными»². Устойчивые сюжеты отличаются в жанровом отношении от рассказов-пластинок, поскольку характеризуются единством только в тематическом отношении. Композиционно-стилистические особенности, а также семантическое наполнение текстов, актуализирующих устойчивый сюжет, варьируется у отдельных информантов или внутри групп информантов, объединенных каким-либо признаком.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Нередко одним из основных устойчивых сюжетов в коллективе носителей традиционной народной культуры становится сюжет «история села». Говор села Белогорного в этом отношении представляет значительный интерес, поскольку один из основных устойчивых сюжетов данного лингвокультурного сообщества во временном отношении восходит к событиям XVII в. – времени раскола православной церкви.

События раскола становятся для села Белогорного началом истории, своеобразной точкой отсчета. Историческое время, актуализирующееся в текстах, для жителей села Белогорного оказывается гораздо «длиннее», чем обычно это характерно для сознания диалектной языковой личности.

Устойчивый сюжет «рассказ об истории села» в текстах, полученных от разных информантов – носителей одного говора, варьируется. Факторы варьирования разнообразны, один из важнейших обусловлен актуализацией базовой концептуальной оппозиции «свои-чужие». Для говора села Белогорного эта оппозиция представлена прежде всего противопоставлением «старообрядцы-церковные»³, поскольку в селе живут и люди, исповедующие традиционное православие, и старообрядцы.

В рассказах о начале села, полученных от старообрядцев (или кулугур), часто используется местоимение «мы», наблюдается отождествление себя не столько со своими предками, сколько с людьми своей веры:

и мы/ ведь предки-то наши староверы/ раньше когда раскол был/ при... царе... при каком-то при царе... при Алексее что ли/ ну/ эдак вот/ на две веры/ раскололись/ староверы/ и нова вера... при Никоне это всё было// вот// значит и/ нас/ оттудова из Москвы/ прибежало двадцать семей/ в Климов дол/

В текстах, записанных от информантов-церковных, о первых поселенцах рассказывается в третьем лице и активно используется противопоставление «мы-они», актуализирующее оппозицию «свои-чужие»:

они вышли/ они вышли здесь вот/ где мы живём/ здесь был лес/ они вышли/ здесь очень много родников/ и начали селиться// а наши-ти приехали уж откуда-то с Пензенской вон области/ тут уж наехали сюда/ мирские-то// и вот/ наше село/

В этом тексте информант – женщина, исповедующая традиционное православие, – о первых поселенцах-старообрядцах говорит в третьем лице, а позже приехавших церковных (мирских) называет «нашими».

Идиолектное варьирование этого постоянного сюжета происходит часто по параметру «количество компонентов», в композиционном развертывании рассказа. По нашим наблюдениям, полный, «архитипичный» вариант сюжета «история нашего села» в говоре села Белогорного включает следующие компоненты: «нулевой» компонент, начальный компонент, срединные компоненты, завершающий компонент.

«Нулевой» компонент, не относящийся непосредственно к истории села, представляет собой рассказ о событиях раскола, о деятельности патриарха Никона, явившихся причиной бегства приверженцев старой веры из центральных районов России в Поволжье:

ну вот так вот он и делал/ нашего брата/ начал сжигать/ их/ вот я бы читал в статья-то/ по сколько сот/ сжигал/ всех их/ а вешал сколько/ да// и вот они которых не вытерпели/ и бежали/ из Иерусалима бежали в Москву а из Москвы уже вот/ к нам в Климов дол//

В приведенном фрагменте имя Никона не используется, но в подавляющем большинстве текстов, записанных и от церковных, и от старообрядцев, Никон упоминается. Интересно, что имя основного оппонента Никона, протопопа Аввакума, нам ни в одном рассказе не встретилось.

Несмотря на то, что начальный компонент связан с историей старообрядческой общины, он встречается одинаково часто и в рассказах староверов, и в рассказах церковных. Но в рассказах людей традиционной православной веры в рамках этого компонента могут быть разнообразные неточности и даже откровенная путаница:

так/ когда они поссорились из-за креста// у нас вот так церковь [показывает, как крестить]/ а у них вот так// и началась спор/ и до тех пор доспорилось/ что отец Никон умчался/ вот туда/ в долину/ и там поселились/

В этом рассказе патриарх Никон оказывается в числе тех старообрядцев, которые были первыми поселенцами Климова дола. Объяснить данное заблуждение можно, вероятно, очень просто: женщина-информант часто слышала историю образования села от старообрядцев, слышала имя, которое они часто упоминали (Никон), и решила, что Никон и есть один из главных старообрядцев-переселенцев.

Начальный компонент устойчивого сюжета посвящен событиям, которые, по легенде, предшествовали образованию села: бегство староверов (их называют климовцами) в Климов дол:

ну/ а дальше... эти самые эти есть мы москвичи// ну вот/ выселились тут/ вот на это место вот выселились/ раньше это был... он Климов дол он там/ отсюда/ километров наверно за семь... нет/ дальше от нас/ километров за десять// у нас сама эта... само село... тут какие-то были эти/ поселенцы какие-то были/ но их было очень мало/ и вот значит на это место/ вот эти вот/ наши/ москвичи/ климовцы/ заселили/ это село//

Начальный компонент актуализируется одинаково активно и в рассказах церковных, и в рассказах старообрядцев.

Срединные компоненты сюжета встречаются чаще в текстах старообрядцев, поскольку описываемые события значимы прежде всего для них. В этих компонентах сюжета история местных старообрядцев вписывается в историю страны:

показана роль российских правителей (Петра I, Екатерины II, Николая I) в истории старообрядчества. Диалектному сознанию свойственен эгоцентризм, и поэтому все события оказываются тесно связанными с местными старообрядцами:

а потом Екатерина-то Вторая наложила на них этот оброк/ они стали оброк платить/ они выжили/ они выжили здесь вот/ где мы живём/ здесь был лес/ они выжили/ здесь очень много родников/ и начали селиться//

и Николай/ Первый// вот когда он стал жаловаться-то/ вот так и так/ нас опять притесняют/ и все эти... как бы это сказать... ордена и медали/ все эти кресты/ когда ему вывалил/ царь аж прослезился// (...) царь прослезился// ну он/ что/ это/ почёму/ скажем/ прослезился// больно уж порядок/ хороший был/ в нашем селе//

Как правило, старообрядцы в своих рассказах чаще упоминают имена российских правителей (иногда путая, как именно тот или иной правитель повлиял на судьбу старообрядцев). Церковные меньше внимания уделяют подробностям. Очень показательной является такая интерпретация исторических событий:

а потом въехал какой-то/ губернатор ли кто ли там какой ли/ бывало земски начальники были можа царь приезжал/ увидали это увидали заехали спросили их/ как это вы тут поселились//

В этом фрагменте информант не сомневается в значимости своего села и допускает, что для решения их судьбы вполне мог приехать царь.

Компонент, который завершает исторический сюжет «создание села», относится к истории появления первого, исторического названия села Белогорного, которое до середины XX в. называлось Самодуровка:

почему Самодуровка .../ те нас назвали/ потому что они как бы не подчинялись никому ничему сами всё.../ вот эт вот.../ поселились/ сами эт вот они расселились и сами вот всё это образовали// у нас во всех сёлах окружающих в то.../ в те времена были помещики// а в нашем селе помещика не было//

Историческая мотивация исконного названия села в рассказах диалектоносителей часто дополняется и домысливается:

самовольна поселена/ вот из-за чего Самодуровкой зовут/ ну сейчас тут они сейчас так это и ведётцы тут самовольства-то много//

Информант считает, что название села – Самодуровка – отражает не столько историю заселения (без помещика), сколько характер жителей. По мнению диалектоносителя, это постоянное качество, оно есть и у современных жителей деревни.

Нередко встречаются информанты, в рассказах которых устойчивый сюжет актуализируется в сжатом виде: смешиваются начальный и завершающий компоненты, а также есть следы срединного компонента:

– Почему у вас деревня Самодуровка называлась раньше?

ну/ раньше... это вот как её тебе сказать... где-то свозили/ как вот сейчас в Сибирь сваживают/ и это тоже/ и вот все сбеглись тут/ разные были/ и люди/ и фамилии и всё// и вот назвали Самодуровка// а эти вот два –то/ назвали... это/ какие-то были кулугуры два... три и кресты даже им/ вон они умерли/ в лесу/ это вроде нашей веры/ и вот кресты там им поставили в долу/ кулугуры –ти//

Чаще всего такое смешение наблюдается в рассказах церковных, для которых история старообрядцев осознается как чужая. Но и сами старообрядцы нередко смешивают и соединяют в своих рассказах основные компоненты устойчивого исторического сюжета. Вероятно, это обусловлено тем, что события, о которых идет речь, относятся к далекому прошлому, а далекое прошлое в сознании диалектоносителей осознается слабо, плохо членится на отдельные эпизоды и практически не растягивается на «оси времени».

Примечания

- ¹ Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. Саратов, 1997. С. 7.
- ² Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. М., 1995. С. 10.
- ³ См.: Крючкова О.Ю. Репрезентации оппозиции «свой-чужой» в диалектной коммуникации (на материале говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области) // Изв. Саратов. ун-та. Филология. Журналистика. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 8.